

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ В ПЕРИОД 2008-2013 ГГ.

В статье рассматривается эволюция российского мягкосилового воздействия и каналов его трансляции в период 2008-2013 гг. Анализируя сформировавшуюся за это время структурную и институциональную основу для российского мягкого влияния, автор характеризует поворот к «умной» внешней политике, произошедший во время президентства Дмитрия Медведева, выделяет основные этапы в ее развитии, и оценивает степень ее успешности. На основании проведенного анализа делается вывод об эффективности предпринятых Россией мер в ряде направлений, особенно в том, что касается модернизации и цифровизации российской дипломатии. Вместе с тем, отмечается ограниченность достигнутого успеха, связанная с вертикальной направленностью сформированных институтов мягкосилового воздействия.

Ключевые слова: мягкая сила, дипломатия, модернизация, информационное обеспечение, позиционирование.

Концепция мягкой силы была разработана профессором Гарвардского университета Джозефом Найем и подразумевает международную привлекательность определенного государства, основанную на его культуре, политических ценностях и внешней политике. В отличие от жесткой силы, которая опирается на прагматические стимулы – как положительные, так и отрицательные – для достижения желаемого политического результата, мягкая сила пользуется в тех же целях вышеупомянутой привлекательностью. Таким образом, мягкая сила снижает необходимость угроз или подкупа, чтобы добиться желаемого поведения от других государств [15. С. 13].

В концепции Найя мягкая сила придает внешней политике государства легитимность и моральный авторитет. Благодаря ей государству легче склонить к своей точке зрения остальных акторов, которые разделяют его ценности и стремятся к их укреплению [16. С. 2, 6, 7]. Кроме того, при успешном воздействии мягкой силы государство может побудить другие страны к внутренним переменам по мере того, как они стремятся обрести схожую

привлекательность – таким образом, оно обретает на международной арене последователей, задает им свой политический вектор и подрывает привлекательность враждебных ему ценностей.

Мягкая сила представляет собой сочетание культурных и политических ценностей, а также внешней политики. По мнению Найя, на политическую привлекательность государства влияют два фактора – во-первых, его политические ценности должны иметь универсальный характер; во-вторых, им должна соответствовать внешняя политика данного государства. Те же государства, ценности которых недостаточно универсальны, не смогут добиться значимой мягкой силы.

Най считает самыми привлекательными либерально-демократические ценности, хотя и допускает, что другие разновидности мягкой силы могут быть привлекательны для носителей антилиберальных взглядов (к примеру, религиозных фундаменталистов), Най полагает, что даже в авторитарных странах большинство жителей предпочло бы западные ценности, будь у них возможность сделать это без угрозы со стороны властей [16. С. 55].

Таким образом, по мнению Найя, такие авторитарные страны, как Россия или Китай, могут обрести значимый ресурс мягкой силы лишь посредством либерализации. От той же предпосылки отталкиваются и многие другие исследователи, независимо от того, пишут ли они о Китае, Индии, Турции или азиатском регионе в целом. Хотя теоретически они допускают существование разных источников мягкой силы, фактически акцент делается на «универсальной» привлекательности либеральных ценностей.

Еще с 90-х годов в их среде было принято считать, что после краха коммунизма в России остался «идеологический вакуум», в противоположность западным либерально-демократическим идеалам [17]. В значительной мере это было следствием того, что российское общество и власти долго адаптировались к изменениям в глобальных коммуникациях.

Медленное освоение Россией современных подходов к мягкой силе было в значительной мере обусловлено также и консерватизмом российской дипломатии, пытавшейся действовать в сфере, которую Най назвал третьим измерением силы (первые два – военное и экономическое), преимущественно посредством вертикальных государственных инициатив. Най отмечает, что многие ресурсы мягкой силы находятся вне контроля правительства, и их влияние часто является косвенным и зависит от восприятия аудитории [16. С. 99]. Именно это делает их таким эффективным орудием взаимодействия – будучи более спонтанными, чем целенаправленная государственная политика, проявления мягкой силы формируют взаимную добрую волю.

Тем не менее, в определенный момент в восстановлении российского мягкосилового влияния произошел поворот – во время президентства Дмитрия Медведева в России был заложен ряд структур, ставших в дальнейшем основой для «умной» внешней политики.

Среди них одна из самых заметных – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству, известное также как Россотрудничество – в своих функциях оно во многом аналогично Агентству США по международному развитию (USAID).

Предшественник Россотрудничества – Росзарубежцентр – был образован в 1994 году, когда после распада Советского Союза у России появилась потребность подкрепить те культурные и гуманитарные отношения, которые существовали между странами постсоветского пространства. Россотрудничество он превратился в 2008, что ознаменовало централизацию системы управления подотчетными ему функциями.

Долгое время Россотрудничество играло второстепенную роль в российской системе мягкой силы, ограничиваясь сферой культурно-гуманитарных контактов. К концу 2011 года Россотрудничество не оправдало надежд на значительное увеличение российского влияния за рубежом – газета «Коммерсантъ» процитировала анонимный источник в Кремле, который назвал деятельность агентства «загадкой» даже для тех, кто профессионально занимается внешней политикой [12]. Это стало причиной административных изменений. В марте 2012 года главой Россотрудничества был назначен Константин Косачев, в течение предыдущих семи лет занимавший пост председателя комитета Госдумы по международным делам.

Косачев был в числе немногочисленных официальных лиц России, которые активно контактировали с зарубежной аудиторией. В интервью, опубликованном вскоре после его назначения, Косачев признал, что на тот момент Россия не могла использовать мягкую силу так же эффективно, как это делали ее конкуренты. «Часто мы упрощенно понимаем определение «мягкая сила», – сказал он [12], отмечая два подхода, в которых мягкая сила воспринимается либо как средство для опосредованного принуждения («Когда где-то аккуратно меняется регламентация экономического сотрудничества, где-то перекрывается вентиль. И вот такая полужесткая сила формально называется мягкой»), либо как присутствие в других странах («некие мероприятия: концерты, выставки, фуршеты. Когда за влияние выдается присутствие и не более того»). Вместо этого Косачев разделяет определение Джозефа Ная, утверждая, что «добровольное согласие наших потенциальных партнеров, наших потенциальных союзников на взаимодействие с Россией и должно быть предметом реализации нашей страной концепции мягкой силы» [12]. Он также предполагает, что российское отношение к мягкой силе как вторичному инструменту коренится в общем восприятии. «Необходимо осознание того, что нематериальная, гуманитарная часть нашей жизни не менее, а может быть, и более важна, чем часть материальная, осязаемая».

Косачев стал инициатором сосредоточения в рамках Россотрудничества всех основных составляющих публичной дипломатии, включая образовательные программы для иностранцев в России и программы по продвижению русского языка за рубежом. Под руководством Косачева в России была запущена подобная американской USAID программа содействия международному сотрудничеству.

Кроме того, в 2010 году президент Медведев распорядился создать две новые структуры с внешнеполитическими задачами: Фонд поддержки публичной дипломатии имени Горчакова и Российский совет по международным делам. В целом эта инициатива была одобрена экспертами, а один российский чиновник даже назвал ее «революционным» шагом, направленным на улучшение имиджа страны за рубежом [3].

Еще одной значимой организацией в российской мягкосиловой системе является Российский совет по международным делам (РСМД), который начал свою работу в июле 2011 года. Он служит «связующим звеном между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач» [8]. Президент РСМД, бывший министр иностранных дел России Игорь Иванов, опубликовал в конце 2011 года статью, в которой он утверждает, что для России обучение использованию мягкой силы является ключом к «умной» внешней политике. Иванов заявляет, что «нам необходимо кардинально обновить и расширить спектр внешнеполитических инструментов, которые Москва может использовать в международных отношениях. «Умная» внешняя политика требует от политического руководства способности использовать самый широкий спектр активов, имеющихся в распоряжении конкретной страны и конкретного общества. Включая, конечно, нематериальные активы, которые часто игнорировались или, по крайней мере, серьезно недооценивались традиционной дипломатией прошлого» [4].

Создавая государственные органы, ответственные за стимулирование, финансирование и координацию неправительственной деятельности за рубежом, Россия рассчитывала усилить свое мягкое влияние. Необходимость этого Косачев объяснял следующим образом: «Возможности мягкой силы в настоящее время наилучшим образом отвечают задачам российской внешней политики. Эти задачи вытекают из потребностей внутреннего развития [...]. Они являются [...] средствами модернизации страны» [7].

Россия также занялась модернизацией своей традиционной дипломатии, прежде всего за счет расширения своего присутствия в Интернете. В 2011 году Министерство иностранных дел запустило новую и более удобную для пользователя версию главной страницы своего веб-сайта (версии на иностранных языках остаются неизменными). В июне 2012 года был запущен первый аккаунт Министерства на YouTube; за семь месяцев 345 видеороликов было загружено и просмотрено примерно 105 000 раз. Еще одна

социальная сеть, которую Министерство иностранных дел начало активно использовать – Twitter [9; 14; 18; 19; 20]. Одним из наиболее заметных пользователей быстро стал посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Александр Яковенко. Помимо прочего, Яковенко считал Россию достаточно успешной в этой сфере, и приводил в качестве примера тот факт, что несмотря на поздний старт, «по количеству подписчиков в Лондоне [российское] посольство занимает третье место после США и Израиля, которые вкладывали значительные средства в этот инструмент внешней политики в течение более длительного периода времени» [17].

Стоит отметить, что интернет-деятельность Министерства иностранных дел России длительное время имела полурегулярный и спонтанный характер, и изменения в отношении к Интернету в среде российской дипломатии в значительной степени стали результатом спущенной вертикально инициативы.

В июле 2012 года на закрытом заседании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях Президент Путин подчеркнул, что дипломаты должны активнее использовать новые технологии. «Коммерсантъ» процитировал одного из участников заседания: «До выступления Владимира Путина скептики говорили, что цифровая дипломатия – это лишь дань конъюнктуре (при увлекающемся IT-технологиями Дмитрие Медведеве. Однако президент Путин ясно сказал: одними только традиционными методами уже не обойтись. Осваивать новые методы необходимо в любом случае» [13]. Понимание Путиным того, что Интернет имеет значение, и его интерес к использованию Интернета в политических целях стали очевидны ноябре 2012 года, когда он объявил о решении создать фонд для поддержки отечественных интернет-проектов, «которые имеют высокую социальную ценность» [6]. В новой редакции Концепции внешней политики от 2013 года содержался призыв к более широкому использованию возможностей новых технологий для целей мягкой силы: для создания «объективного восприятия» страны и улучшения «информационного обеспечения» внешней политики [5].

Намерение России развивать свою мягкую силу привело к значительным инвестициям властей в создания необходимой для нее институциональной основы, а также обеспечило финансирование определенных проектов и постепенное принятие некоторых способствующих ее развитию шагов на официальном уровне. С другой стороны, ограничение вертикального и централизованного подхода, выбранного в итоге Россией, заключалось в том, что, делегирование реализации мягкой силы подконтрольным государству учреждениям упускало из виду важность неправительственной деятельности как источника привлекательности страны – в дальнейшем это стало одним из значительных факторов, приведших к неудаче попытки России реализовать классический подход к укреплению своей мягкой силы.

Примечательным этапом в истории развития российской системы мягкого воздействия является сотрудничество между Россией и международным коммуникационным агентством Ketchum. С 2006 по 2014 год у Ketchum были постоянные контракты с российским правительством и государственной энергетической компанией «Газпром».

Работа компании началась с восьмимесячного проекта по информационной поддержке саммита Большой восьмерки в 2006 году, и впоследствии расширилась, включив в себя содействие политике энергетической безопасности России, а также поддержку заявки страны на вступление в ВТО. Ketchum содействовала публикациям российских официальных лиц в изданиях по всему миру, включая статью Путина в «Нью-Йорк Таймс» 2013 года по сирийскому вопросу [15].

Согласно ProPublica, Ketchum также разместила выставяющие Россию в позитивном свете материалы в Huffington Post, на веб-сайте CNBC и в других ресурсах под видом независимых комментариев, не указывая источников этих публикаций. Фирма лоббировала журнал Time, чтобы назвать Путина «Человеком года», что Times и сделала в 2007 году [15].

Эту работу всегда сопровождали скандалы. Ketchum продолжала поддерживать Россию во время конфликта в Грузии в 2009 году – после обновления контракта в 2012 году компания столкнулась с осуждением, однако в ответ лишь прояснила, что теперь ее роль сузилась и направлена в основном на привлечение иностранных инвестиций [21].

Такое негативное внимание является существенным фактором, делающим работу на Россию отталкивающей для большинства западных коммуникационных агентств, независимо от того, насколько прозрачными и нормальными могут выглядеть их функции поначалу.

Подобные задания также часто вызывают противоречивую реакцию и внутри самих агентств, что является критичным для компаний, которые полагаются на мотивированные таланты. По той же причине мало фирм решаются на работу с клиентами из табачной или оружейной индустрии.

При прагматической оценке такой работы эти риски взвешиваются с вероятностью успеха задания и размерами гонорара. Под конец сотрудничества российский контракт Ketchum не удовлетворял ни одного из этих условий, хотя и принес фирме чистую прибыль в размере \$25 миллионов за девять лет сотрудничества.

После присоединения Россией Крыма в 2014 году на Ketchum обрушилась новая волна критики. В подобных обстоятельствах попытки продемонстрировать привлекательность России как места для инвестиций – основная функция Ketchum в последние годы – в конечном счете оказались тщетными. К схожему выводу пришли и российские власти, что подтверждают документы Министерства юстиции, которые показывают снижение расходов властей на работу агентства в течение 2014 года.

Ketchum официально расторгла свой контракт с Россией в марте 2015 года, объявив, что «больше не представляет Российскую Федерацию в США или Европе, за исключением офиса в Москве».

Пресс-секретаря президента Путина Дмитрий Песков прокомментировал: «Это связано с тем, что заказчики контракта испытывают определенную необходимость в мерах по экономии средств. Кроме того, общая атмосфера в настоящий момент мало подвержена пиар- и коммуникационным усилиям в условиях реальной коммуникационной войны, которая имеет место» [10].

Песков отметил также, что теперь страна будет использовать свои собственные инструменты для поддержки глобальных PR-усилий, к которым относились новостной канал RT, информационное агентство Sputnik, спонсируемый правительством фонд «Русский мир» и Россотрудничество [21].

В целом, период с 2008 по 2013 год стал принципиальным для формирования институтов и системы координации российского мягкосилового влияния. Создание Россотрудничества и ряда других профильных структур, наращивание интернет-присутствия российских властей и стремление России к реализации «умной» внешней политики вместо того, что Косачев охарактеризовал в качестве «полужесткого» подхода, привели к определенному успеху в укреплении образа России в глазах западного истеблишмента, пусть ограниченному в силу диссонанса между либеральной направленностью ее позиционирования и вертикальным характером его трансляции. Однако к 2013 году этот тренд в значительной мере сошел на нет на фоне усугубляющихся противоречий между Россией и западными странами, спровоцированных как внешними факторами (такими как война в Сирии), так и внутренними – например, принятием в 2013 году закона против «пропаганды гомосексуализма». Это привело к дальнейшей смене как ее идеологического наполнения, так и инструментов ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айзенштадт Д.* Вентиль имени А.М. Горчакова // Газета.ru. 3 февраля 2010 г. // https://www.gazeta.ru/politics/2010/02/03_a_3319613.shtml.
2. *Иванов И.* Какая дипломатия нужна России в XXI веке? // Россия в Глобальной Политике. Ноябрь/Декабрь 2011. № 6 // <https://globalaffairs.ru/articles/kakaya-diplomatiya-nuzhna-rossii-v-xxi-veke/>.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=1&rangeSize=1>.
4. *Корченкова Н., Иванов М.* WWW.PUTIN.DA: Владимир Путин нашел, что предложить «креативному классу» в интернете. 23 ноября 2012 г. // <https://www.kommersant.ru/doc/2073402>.
5. *Косачев К.* Не Рыбу, а Удочку // Россия в Глобальной Политике. Июль/Август 2012. № 4 // <https://globalaffairs.ru/articles/ne-rybu-a-udochku/>.

6. *Меньшиков П.* PR В контексте российской внешней политики // Международные коммуникации. 2016. № 1.
7. *Меньшиков П.* Эволюция государственной информационной политики России // Международные коммуникации. 2017. № 4.
8. Миссия РСМД. Российский Совет по Международным Делах // <https://russiancouncil.ru/about/>.
9. МИД России [официальная страница] // http://twitter.com/MID_RF.
10. Песков: контракт с Ketchum истек, но Россия продолжит работу над имиджем страны // ТАСС. 12 марта 2015 г. // <https://tass.ru/politika/1822630>.
11. Против России действуют осознанно и целенаправленно, но на это нельзя обижаться» // Коммерсантъ. 07 апреля 2012 г. // <https://www.kommersant.ru/doc/1911330>.
12. *Соловьев В.* Агентство влияния не оправдало вливаний // Коммерсантъ. 31 октября 2011 г. // <https://www.kommersant.ru/doc/1807224>.
13. *Черненко Е.* Россия направляет посольства в Twitter: МИД РФ начнет применять «мягкую силу» // Коммерсантъ. 16 июля 2012 г. // <https://www.kommersant.ru/doc/1981536>.
14. Gennady Gatilov [официальная страница] // https://twitter.com/Amb_Yakovenko.
15. *Jensen S.C.* How Western PR Firms Quietly Push Putin's Agenda // Fast Company. 7 января 2017 г. // <https://www.fastcompany.com/40437170/russia-quiet-public-relations-war>.
16. *Nye Jr. J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
17. *Popescu N.* Russia's Soft Power Ambitions. Centre for European Policy Studies. October 2006. No. 115 // <https://www.ceps.eu/ceps-publications/russias-soft-power-ambitions/>.
18. Russian Mission to NATO [официальная страница] // https://twitter.com/MFA_Russia.
19. Russian Embassy, UK [официальная страница] // <https://twitter.com/RussianEmbassy>.
20. Russian Embassy, Greece [официальная страница] // <https://twitter.com/RFEmbassyGr>.
21. *Sudhaman A.* The Unravelling Of Ketchum's Russia Relationship // PRovokeMedia. 13 марта 2015 г. // <https://www.provokemedia.com/latest/article/the-unravelling-of-ketchum's-russia-relationship>.
22. *Yakovenko A.* Russian digital diplomacy: clicking through // Russia Beyond. 7 сентября 2012 г. // https://www.rbth.com/articles/2012/09/06/russian_digital_diplomacy_clicking_through_18005.html.

A.A. GUSTYR
*Master of International Relations,
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), Moscow, Russia*

THE EVOLUTION OF RUSSIAN SOFT POWER IN THE 2008-2013 PERIOD

The article examines the evolution of the Russian soft-power influence and its broadcast channels in the 2008-2013 period. Analysing the structural and institutional basis formed for Russian soft power during this time, the author characterizes the turn to a “smart” foreign policy that occurred during the presidency of Dmitry Medvedev, identifies the main stages in its development, and assesses the degree of its success. Based on the analysis, it is concluded that the measures taken by Russia were effective in a number of areas, especially with regard to the modernization and digitalization of Russian diplomacy. At the same time, there was a limitation of the achieved success due to the top-down orientation of the formed soft-power institutions.

Key words: *soft power, diplomacy, modernization, information support, positioning.*